

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSÉE RUSSE

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:
91, rue du Faubourg Saint-Denis,
PARIS-10°. TAI 83-16
« LA PENSÉE RUSSE »
C.C.P. 5883-44, PARIS.

Редактор
С. А. ВОДОВ

MARDI, JEUDI et SAMEDI

Выходит по ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ и СУББОТАМ

ОСНОВАТЕЛЬ В. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Directeur
Serge VODOFF

Прием по делам Редакции и Конторы
ежедневно от 10 до 18 часов,
кроме суббот и воскресений.
В экстренных случаях
Звонить в типографию: MEN. 01-29

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 3 мес. — 19,00 NF.; на 6 мес. — 35,00 NF.; на год — 70,00 NF.; ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ: на 3 мес. — 22,50 NF.; на 6 мес. — 42,00 NF.; на год — 84,00 NF.

А. П. ЧЕХОВ

Западные отголоски

ансов. Вот как она характеризует творчество Чехова: «В рассказах его всегда изображается какая-нибудь аффектация, поза, неискренность. Показывается женщина, попавшая в ложное положение, или человек, жизнь которого искажена вследствие грубости и жестокости среды, в которой он живет. Душа больна; душа излечилась; душа не излечилась: вот основные темы его рассказов». И далее: «...Метод, на первых порах казавшийся нам таким небрежным, неубедительным, привлекающим внимание к пустякам, теперь представляется нам по-

М. КАНТОР

коящимся на удивительно тонком и требовательном вкусе, смелом в выборе, безошибочно подбирающем детали и проверяемом совестью, притом со строгостью, которая встречается только у русских же писателей.

Может быть, на поставленные вопросы нет ответа, но не станем подтасовывать доказательства, чтобы получилось нечто приемлемое, изящное, льстящее нашему тщеславию. Пожалуй, расположения публики таким путем не приобретешь; она привыкла к музыке погромче, к ритмам поглубже; но он записал мелодию такой, какой ее слышал. Так получилось, что, читая эти маленькие рассказы «ни о чем», мы видим, как горизонт расширяется, душа приобретает сознание необыкновенной свободы».

Должен извиниться за эту длинную цитату, но она по-моему показательна для приема, оказанного Чехову на Западе. Пусть многое в оценке Вирджинии Вульф объясняется тем, что она, проводя свои параллели, невольно оглядывается на литераторов викторианской эпохи со всеми недостатками, именно им свойственными, — все же в целом она, мне кажется, нащупала

суть дела: на Западе Чехов произвел впечатление своей писательской честностью и скромностью, нежеланием пожертвовать чем-либо ради мнимых требований определенного жанра. До него всегда считалось, что, будучи лишен возможностей, которыми располагает роман в смысле обрисовки характеров, описания среды, развития интриги, рассказ должен эти ограничения искупать остротой сюжета, своей, так сказать, закругленностью и, по возможности, эффектно-стью заключения. Примером могут служить рассказы Эдгара По. Почти карикатурно заострена эта тенденция у О. Генри (столь популярного в Советской России).

Простота Чехова показалась прямым откровением. Оказалось, что вовсе не необходимо дать читателю законченную фабулу с развязкой. Оказалось, что возможно, не повышая голоса, рассказать что-то правдивое и существенное о незаметных людях и о повседневной, серой их жизни. Вот в чем состояли то «расширение горизонта», та «свобода», о которых пишет Вирджиния Вульф. Искусство Чехова — трудное искусство, и поэтому кое-кому уроки его впрок не пошли. Их сумели использовать только те, кто, памятуя о великом учителе честности, простоты и скромности, сохранили, однако, свою индивидуальность и остались верны своему художественному темпераменту, как удалось это Катерине Мансфильд.

В своем понимании Чехова не очень расходится с Вирджинией Вульф писатель, в общем, довольно далеко от нее стоящий, Томас Манн. Не приходится говорить о каком-либо влиянии Чехова на прославленного немецкого романиста. Более того, на первый взгляд автор мастодонтов вроде «Буденбруков», «Волшебной горы», «Доктора Фаустуса» и других романов, перегруженных философскими отступлениями, не должен был бы чувствовать влечения к писателю, который довольствовался изображением «отрезков действительности» и всего менее склонен был пускаться в рассуждения на отвлеченные темы.

Однако, из посмертной статьи Т. Манна, появившейся года четыре назад, видно, что в лице Манна Чехов нашел тонкого ценителя, иногда, правда, выставлявшего на его счет рискованные гипотезы, но в целом правильно уловившего наиболее характерные черты в его творчестве. Проникая в него глубже, чем В. Вульф, Манн придает в нем особенное значение «Скучной истории». Он считает этот рассказ «совершенно необыкновенным, захватывающим произведением, с которым, по его тихому, грустному своеобразию, едва ли что-либо в мировой литературе может сравниться». Это, говорит Манн, извечный русский вопрос: «Что делать?» — вопрос, на который старый профессор, изображенный в рассказе, не имеет ответа. Русский ли только это вопрос? Верно, что в свое время в России постановку его критика приписывала подавленности русского общества в 80-х гг. Однако, Манн, не уверен, что ответ на него вообще возможен. Писателя же, который, подобно Чехову, ставит правду выше всего и поэтому избегает ответа, начинают упрекать в беспринципности, в безразличии к добру и злу (как это делал в свое время Н. К. Михайловский). Манн убежден, однако, что Чехов этого упрека не заслужил и отвергает предположение о его нравственной нейтральности.

Так, и Вирджиния Вульф и Томас Манн в своей оценке Чехова невольно от эстетического критерия переходят к критерию этическому. Соответственно, во влиянии Чехова на западную литературу — поскольку он проследимо — наиболее существенна слитность факторов художественного и нравственного. Не в этом ли состоит высшая похвала, какой может удостоиться писатель?

М. Кантор

О ВЛИЯНИИ Чехова на иностранных писателей говорилось много, и отрицать его нельзя, но довольно трудно установить, в чем именно оно проявилось. Географические границы этого влияния, во всяком случае, возможно с некоторой точностью указать: это, главным образом, страны анлийской культуры, где до сих пор жанр короткого рассказа (short story) еще очень популярен (в то время, как во Франции он после Мопассана оказался не в чести; да и сам Мопассан, как известно, чрезмерным престижем у себя на родине не пользуется).

В своем предисловии к незаконченной книге Бунина о Чехове, Алданов упоминает о двух английских писателях, у которых можно найти высокую оценку Чехова — от собственного имени или со ссылкой на собратьев по перу: Арнольд Беннет и Сомерсет Моэм. Но, как бы высоко оба они Чехова ни ставили, едва ли мог он иметь на них глубокое влияние. Творчество Чехова, как целое, стало доступно Западу в переводах только в первые десятилетия XX века (пример американского критика Т. С. Перри, изучившего на 70-м году жизни русский язык, чтобы иметь возможность читать Чехова в оригинале, едва ли нашел много подражателей). Первое полное собрание рассказов Чехова на английском языке — в переводе г-жи Гарнетт — закончено было только в 1922 г., и если частично рассказы его переводились и ранее, то все же происходило это в эпоху, когда и Беннет и Моэм были уже вполне сложившимися писателями.

Но вот другой, более яркий, пример иллюстрирующий мою мысль о том, что трудно проследить прямое, непосредственное влияние Чехова на западных писателей. Известно, что перед Чеховым преклонялась Катерина Мансфильд, начавшая читать его в ранней молодости и, как и он, не писавшая из повествовательной прозы ничего, кроме рассказов. Чехова она постоянно перечитывала, она его изучала, она «работала» (ее собственное выражение) над ним, она стремилась брать его за образец. Между тем, тому, кто станет читать ее рассказы, не зная об ее отношении к Чехову, едва ли придет на ум го-

ворить о родстве между обоими писателями.

Нет, прежде всего, никакого сходства в том, что называют «фактурой» произведения. «Что случилось? Что-то случилось! Ничего не случилось», — так начинается один из самых замечательных рассказов К. Мансфильд («Ветер»). Можно ли себе представить такое начало у Чехова? Между тем у Мансфильд это — на первый взгляд, чересчур эффектное — вступление, вполне естественно. Она по иному — много нервнее, более эротически — воспринимает внешний мир. Еще существеннее другое: Мансфильд страстно любит жизнь, и если страдание всегда присутствует в ее рассказах, то у нее оно вторгается в жизнь как элемент, ей чуждый, оно как бы насильственно рвет ее нежную, прекрасную ткань. Между тем, нельзя сказать, что ощущение прелести жизни служит общим фоном в творчестве Чехова. Он только изредка — вспомним описание утра на берегу моря в «Даме с собачкой» — дает ее почувствовать.

Отношение Катерины Мансфильд к внешнему миру скорее приближается к тому, как воспринимал его Бунин. Однако, к Бунину, как писателю, она, по собственному ее признанию, симпатии не испытывала, хотя и не отрицала, что читать его «хорошо». Не нравился ей, впрочем, и Тургенев, который ведь тоже, несмотря на свой пессимизм, очарованию жизни поддавался, но которого, признавая его «дивный талант», она тем не менее считала «позёром» и «лицемером».

В чем дело? Почему отвергала она двух русских писателей, к которым она была близка по своему писательскому темпераменту и по общему мироощущению, тогда как считала своим учителем Чехова, несмотря на его почти аскетическую скромность в пользовании своими художественными возможностями и на видимое его равнодушие к прелести мира, столь для нее соблазнительной?

Объяснение можно найти у Вирджинии Вульф, писательницы несколько капризной, но обладавшей чрезвычайно острым чувством ню-